

Сердце Мира

Автор:

Генри Хаггард

Сердце Мира

Генри Райдер Хаггард

«Обстоятельства, при которых были написаны настоящие строки, достаточно любопытны и заслуживают повествования. Несколько лет тому назад один англичанин, которого мы назовем Джонсом, хотя он звался иначе, был управляющим одного рудника недалеко от реки Усумасинты, верховья которой отделяют мексиканский штат Чьяпас от Гватемальской республики...»

Генри Райдер Хаггард

Сердце Мира

* * *

I. Дон Игнасио

Обстоятельства, при которых были написаны настоящие строки, достаточно любопытны и заслуживают повествования. Несколько лет тому назад один англичанин, которого мы назовем Джонсом, хотя он звался иначе, был управляющим одного рудника недалеко от реки Усумасинты, верховья которой отделяют мексиканский штат Чьяпас от Гватемальской республики.

И в настоящее время жизнь на чьяпасских рудниках, несмотря на некоторые улучшения, не может соответствовать европейским идеалам благополучия. Начать с того, что работа здесь отчаянно тяжелая, и хотя климат в горах довольно здоровый, в долинах свирепствуют смертельные лихорадки. Охоты не существует из-за необычайной густоты лесов; притом, если даже проникнуть в чащу, то мириады ядовитых насекомых, кишачих там, делают это занятие совершенно невозможным.

Общество, как его принято понимать в европейском смысле, также блещет своим отсутствием, и даже если кто-либо женится, то он не решается привезти сюда свою жену по незаселенным областям, через пропасти и реки без мостов, по лесным тропинкам вместо дорог; от всех этих препятствий содрогнется душа даже смелого путешественника.

Когда мистер Джонс прожил с год на руднике Ла-Консепсион, то сознание своего одиночества овладело им с необыкновенной силой. Он не мог больше довольствоваться обществом американского конторщика и индейцев-рабочих. В первые месяцы своего приезда он пытался завязать знакомства с владельцами соседних fincas, или ферм, но сам не замедлил от этого отказаться, так как эти люди представляли собой отбросы низших классов, прожигавшие свою жизнь в самой порочной обстановке.

Поставленный в подобное положение, Джонс прибег к умственным развлечениям и посвятил весь свой досуг собиранию древних редкостей и изучению многочисленных раскинутых по соседству развалин городов и храмов древних ацтеков. Чем дольше он занимался этим делом, тем больше оно его увлекало. Поэтому, когда он услышал, что по ту сторону гор живет на собственной асиенде один индеец по имени дон Игнасио, который больше, чем кто-либо во всей Мексике, знает про историю и святыни прежних жителей, он решил при первой возможности к нему поехать.

Дон Игнасио пользовался прекрасной репутацией, и Джонс уже давно охотно познакомился бы с ним, но его останавливала дальность пути. Это препятствие было устранено предложением одного индейца показать кратчайший путь по горной тропинке, требовавший всего трех часов езды верхом, вместо десяти часов по основной дороге, шедшей стороной. В одну из суббот Джонс пустился в путь, предварительно известив дона Игнасио о своем визите и получив от него приглашение приехать на асиенду, «где всякий англичанин всегда желанный

гость».

Приближаясь к асиенде, он с удивлением увидел большое белое каменное здание в полумаавританском стиле, с башнями над воротами, сделанными со всех четырех сторон, и большим куполом, возвышавшимся посередине плоской крыши. Проехав по окружавшим это здание прекрасно возделанным хлебным полям и плантациям кофе и какао, Джонс въехал по опущенному подъемному мосту во внутренний двор, посередине которого несколько высоких деревьев раскидывали приятную тень над широким колодцем. Его встретил индеец, очевидно его поджидавший, и, приняв лошадь, сказал, что сеньор Игнасио теперь в домовый часовне у вечерни вместе со всеми жителями, но что служба скоро кончится. Джонс сам направился туда, и как только его глаза привыкли к царившему в часовне полумраку, невольно залюбовался ее незаурядной красотой, ее архитектурой и живописью.

Молящихся было около трехсот, исключительно индейцев, работавших на плантациях; они так были сосредоточены, что появление незнакомца осталось для них незамеченным. Больше всего, однако, его поразила большая плита из белого мрамора, вделанная в стену над алтарем, на которой большими буквами была высечена испанская надпись:

«Посвящается Игнасио, индейцем, памяти его самого любимого друга, Джеймса Стрикленда, англичанина, и Майи, Царицы Сердца, его жены, которую он впервые увидел на этом месте. Странник, помолись о них».

Пока Джонс размышлял, кто бы могли быть Джеймс Стрикленд и Майя, Царица Сердца, и не нынешний ли хозяин асиенды соорудил эту плиту, священник отпустил всем собравшимся грехи, и прихожане стали выходить из церкви. Первым вышел старый индеец, которого Джонс признал за Игнасио. Ему было лет шестьдесят, но на вид можно было дать больше, – так много следов оставили на нем испытанные горести и лишения. Он был высокого роста и держался с редким достоинством. Его одежда европейского покроя отличалась простотой, и на ней не было ни одного серебряного украшения в виде пуговиц или пряжек, до которых так охочи все мексиканцы; на голове была мягкая шляпа-панама. Поражало только одно лицо, дышавшее чистотой всей проведенной жизни; черты лица были тонкие, черные глаза – мягкие и внушавшие полное доверие. Он остановился на паперти, опираясь на толстую

палку, пропуская мимо себя всех остальных молящихся. Все ему приветливо кланялись, а некоторые, в особенности дети, с почтительной лаской целовали тонкую руку старого индейца, которого при своих пожеланиях ему спокойной ночи все они называли «отцом». Джонса крайне поразило полное отсутствие раболепства, которое привило этому племени вековое подчинение белым пришельцам. В эту минуту дон Игнасио обернулся и заметил гостя.

– Тысячу извинений, сеньор, – сказал он по-испански, с самой привлекательной улыбкой, снимая шляпу, под которой обнаружились белые, как и борода, густые волосы. – Вы должны сетовать на меня, но у нас в обычае, чтобы после недельной работы всем вместе собираться на богослужение... Не толкните, дети, англичанина... К тому же я не думал, что вы приедете до заката!

– Пожалуйста, не извиняйтесь, – ответил Джонс, – я очень заинтересовался вашей часовней. Какое красивое сооружение! Можно ли ее осмотреть, пока еще двери не закрыты?

– Конечно, сеньор. Она хороша, как и весь дом. Строившие все это два века тому назад монахи – здесь располагался большой монастырь – были знатоки этого дела. Работа же была тогда подневольная и ничего не стоила. Я, впрочем, многое починил и поправил, так как прежние владельцы об этом не заботились... Вы с трудом поверите, что лет двадцать тому назад это место было притоном разбойников и убийц и что эти самые люди, которых вы сегодня видели, или их отцы были рабами, с правами меньшими, чем у собаки... Не один путник лишился здесь жизни. Я сам едва не нашел здесь смерть... Посмотрите на эти колонны у алтаря... Не правда ли, они хороши? А мой предшественник, дон Педро Морено, которого я лично знал, привязывал к ним свои жертвы, чтобы мучить раскаленным железом!

– А к кому относится эта надпись на плите? – спросил Джонс. Лицо дона Игнасио омрачилось, но он все-таки ответил:

– Она относится, сеньор, к моему самому лучшему другу, который с риском для собственной жизни спас мою и который был любим мною большей любовью, чем всякая женская. Но его также любила одна женщина-индианка, и он больше думал о ней, чем обо мне, что так естественно... Разве не сказано, что человек должен оставить друзей, отца, мать и прилепиться к жене?

– Они были женаты? – спросил заинтересованный Джонс.

– Да, очень странным образом... Это уже давнее прошлое, и, с вашего позволения, сеньор, я не стану вам его рассказывать. Одно воспоминание наполняет меня скорбью о понесенных утратах и неосуществленных честолюбивых надеждах. Быть может, когда-нибудь, если проживу еще, я соберусь с мужеством и напишу обо всем, что случилось. Несколько лет тому назад я было начал, но мне было очень тяжело, и то, что я писал, могло показаться безумным бредом, поэтому я бросил... Я прожил тревожную жизнь и испытал много приключений, но последние годы, сеньор, благодарение Господу, прожил в мире. Теперь близится конец, чему я радуюсь; заботит меня только судьба этих людей... Однако пойдете, сеньор, вы, наверное, голодны, а добрый пастор, обещавший разделить нашу трапезу, должен отправиться в путь к одному больному еще до рассвета. Я велел торопить ужин. Ваши вещи положены в отведенную вам комнату, которую мы зовем настоятельской; я сейчас проведу вас туда!

Через небольшую дверь в стене они поднялись по узенькой лестнице и дошли до заделанного решеткой широкого отверстия в стене, через которое настоятели могли незаметно наблюдать за всем, что делалось в церкви.

– Отсюда мне пришлось однажды видеть зрелище, которого я никогда не забуду! – заметил дон Игнасио.

Потом он провел гостя через несколько темных проходов и ввел в уютную, по-испански обставленную комнату.

– Ваша спальня рядом, сеньор! – проговорил дон Игнасио, открывая тяжелую дверь.

Глазам Джонса представилась довольно мрачная комната с толстыми решетками на окнах, отстоявших на десять футов от пола. Стены были расписаны фресками и картинами, изображавшими мрачные сцены инквизиции. Раскинутые на полу ковры несколько смягчали первое жуткое впечатление.

– Я боюсь, что вам не понравится это помещение, – продолжал дон Игнасио, – но это наша лучшая комната для гостей. При этом она может вас заинтересовать: люди говорят, что в ней бывают призраки, – я знаю, что вы, англичане, не верите

этому, – они имеют некоторое основание для подобных слухов, зная, что творилось здесь во времена Педро Морено. У него был замысел убить меня и моего друга; хотя ему это не удалось, но впоследствии, когда я купил это поместье, я нашел несколько скелетов под полом, под тем местом, где стоит кровать; я распорядился предать их христианскому погребению.

Джонс поспешил уверить своего хозяина, что не придает никакого значения всем подобным рассказам, но – в чем он ему никогда не сознался – первую ночь в настоящей опочивальне он провел не совсем спокойно, вероятно, вследствие слишком крепкого кофе, выпитого на ночь. Тем не менее, в свои последующие посещения асиенды он всегда просил отвести ему эти комнаты.

После той грубой и приправленной чесноком пищи, которая составляет основу мексиканской кухни, ужин приятно поразил Джонса. Закурив чудную сигару домашнего изготовления и простившись с торопившимся священником, Джонс свел разговор на местные древности и с удовольствием заметил, что познания его собеседника очень обширны, что он знает не только историю многих исчезнувших племен, но владеет ключом к чтению иероглифов древних надписей, считавшимся между учеными навсегда утраченным.

– Грустно подумать, что ничего живого не сохранилось от всей этой цивилизации, – заметил Джонс. – Если бы сказание о Золотом Граде, «Сердце Мира», скрытом где-то среди неисследованных мест Центральной Америки, было правдой, то я отдал бы десять лет моей жизни, чтобы в нем побывать. Я бы с наслаждением оглянулся в глубь веков и посмотрел на деяние народа, прекратившего свое существование, о котором мы все утратили всякое представление. При всем богатстве воображения нет возможности восстановить исчезнувшее с помощью одних только сохранившихся развалин и преданий... Я удивляюсь вам, дон Игнасио, как вы, никогда, конечно, не выдавший древних жителей, можете говорить о них с такой определенностью!

– Действительно, сеньор, это было бы удивительно, если бы я их сам не знал. Вы можете счесть меня за рассказчика сказок, но случилось так, что я видел Золотой Град и его цивилизацию и могу засвидетельствовать, что его диковинки гораздо более занимательны, чем рассказы преданий или испанских романистов!

– Как? Что? – воскликнул Джонс. – Или я выпил лишний стакан вашего превосходного вина? Или я сплю и вижу сон? Я слышу, что человек, сидящий

против меня, видел тайный город индейцев?

– Действительно, я это сказал, но вы можете мне не верить. Я никогда не говорю об этом, чтобы не прослыть лжецом. Вам также ничего не скажу, не желая, чтобы мой вероятный будущий друг был обо мне нелестного мнения. Я сожалею, что сказал ненужное, но прошу вас вспомнить, что среди девственных лесов, пустынь и сьерр Центральной Америки, где никогда еще не ступала нога белого человека, достаточно простора для многих древних городов. Живет же ведь племя лакандонцев, некрещенных индейцев, никогда не видевших ни одного бледнолицего, исповедующих веру своих отцов, в каких-нибудь двухстах милях от того места, где мы теперь сидим! Нет, сеньор, мы больше не будем говорить об этом, так как у меня нет никаких доказательств в подтверждение моих слов, кроме разве одного...

– Какого?

– Я покажу вам, если желаете, – сказал дон Игнасио, вставая и выходя из комнаты.

Вернувшись обратно, он протянул Джонсу кожаную коробку, из которой достал чудный изумруд редкой величины, в золотой оправе, хорошо полированный, но не граненый. С одной стороны оправы были выгравированы черты человеческого лица, с какими-то иероглифическими надписями по кругу. На другой стороне также были подобные надписи.

– Вы можете это прочесть? – спросил Джонс, внимательно осмотрев камень.

– Да, сеньор. Здесь впереди написано: «Очи и уста, смотрите на меня, молитесь за меня». А на оборотной стороне: «Сердце неба, в тебе мой дом».

– Удивительно! – сказал Джонс со вздохом, так как он отдал бы все, что имел, до башмаков включительно, чтобы только получить этот редкий камень. – А теперь вы, может быть, сделаете для меня исключение и расскажете мне историю Города?

– Боюсь, что не смогу вас удовлетворить! – произнес дон Игнасио, качая головой.

– Но вы уже так много открыли! – настаивал Джонс.

– Хотите еще кофе? – перебил его хозяин. – Нет? В таком случае, выйдем на крышу и полюбуемся видом. По преданию, монахи там даже обедали. Потом они построили еще одну стену, после того как с трудом отразили одно из нападений индейцев, доведенных до отчаяния их притеснениями... Завтра я вам покажу всю окружающую местность. В Мексике все гонятся за рудниками, но здесь земля богаче всяких рудников. Я это знал и продал другие изумруды, которые имел, чтобы купить это поместье. Оно очень возросло в цене и увеличится еще, когда поспеют молодые посадки какао... Вот мы и одолели лестницу. Я уже стар и с трудом поднимаюсь... Не правда ли, здесь чудный воздух? Велик и прекрасен Божий мир, хотя в нем много греха и зла... Мне жаль оставлять его красоту, но я надеюсь, что там, выше, у Господа, есть еще лучшие места!

После этого много ночей провел Джонс под радушным кровом индейца и с каждым посещением все сильнее привязывался к хозяину, главная забота которого заключалась в том, чтобы делать как можно больше добра другим. Они часто совершали совместные поездки, осматривая ближайшие развалины, и во время одной из них Джонс пригласил дона Игнасио к себе; показывая ему рудники и шахты, он жаловался на большую нехватку рабочих рук. Благодаря дону Игнасио это затруднение немедленно исчезло, к немалой выгоде той компании, на службе которой находился Джонс. Дон Игнасио послал за ближайшим касиком и о чем-то с ним переговорил; по прошествии недели у Джонса не было больше никогда нужды в усердных рудокопах-индейцах, хотя раньше они избегали его.

Годы брали свое над бодростью дона Игнасио, он уже не мог покидать своего дома и однажды, приблизительно после двухлетнего знакомства с англичанином, неожиданно послал за ним, сообщая, что умирает и будет рад видеть своего друга перед смертью. Нечего и говорить, что Джонс немедленно отправился в путь через горы; он застал старика очень слабым, но в полном сознании.

– Я собираюсь в последний путь, друг мой, – сказал он вошедшему гостю, – и доволен, так как достаточно уже настрадался от боли в спине, вызванной одним давним ушибом. К тому же пора старику дать дорогу более молодому и деятельному...

Джонс собирался сказать, что он наверное проживет еще долго, но индеец с улыбкой его перебил:

– Не надо тратить времени, мой друг! Лучше слушайте: с самой первой нашей встречи я видел ваше желание узнать историю моего путешествия в Сердце Мира и про моего друга Джеймса Стрикленда, которого я скоро опять увижу. Я видел, как мое молчание огорчает вас, но боялся, что после этого рассказа вы перестанете интересоваться мною. Каюсь в этом чувстве... Кроме того я опасался еще раз пережить наяву тяжелые ощущения; вы, англичане, не понимаете этих тонкостей... Но больше всего я хотел, чтобы рассказ был точен до мелочей, а этого трудно достигнуть на словах, поэтому я записал все, что помнил и видел, и закончил эту работу всего несколько дней тому назад, когда у меня еще не отнялась рука... Прошу открыть тот ящик в столе, там лежат исписанные листы... Благодарю... Вот здесь написано, как мне и моему английскому другу удалось посетить Золотой Город, и о многом другом. Я писал по-испански и прошу не смеяться над ошибками. Теперь, пожалуйста, положите листы на место: один их вид заставляет меня волноваться. Да у меня есть и еще более важное дело. Когда вы собираетесь вернуться в Англию?

– Вернуться в Англию? Зачем? Управляющему рудника работы там не найти... Я слишком беден для этого!

– А если разбогатеете?

– Все-таки нет, я уже слишком давно уехал оттуда!

– Я очень рад это слышать, потому что я сделал вас своим наследником. Я уверен, что моим индейцам хорошо будет жить, а позаботиться об этом мой первый долг. Если же вам придется уехать, то обещайте передать асиенду в хорошие руки.

– Я не знаю, как благодарить...

– И не надо. Теперь идите и оставьте меня одного. Но зайдите завтра, после того как уйдет священник!

Войдя небогатым работником, Джонс вышел богатым собственником поместья с ежегодным доходом в несколько тысяч, как это могут удостоверить многие в

Санта-Круссе. Через три дня после этого дон Игнасио скончался и был погребен в часовне асиенды.

Таким образом, у Джонса оказалась история Золотого Града, «Сердца Мира», и путешествия дона Игнасио и его друга Джеймса Стрикленда.

Вот перевод этой рукописи.

II. Неудавшийся заговор

Мне, Игнасио, пишущему эти строки, теперь шестьдесят второй год, и родился я в селении, лежащем среди гор между городками Пиауалько и Тиапа. Мой отец был наследственным касиком всей этой области; индейцы его очень любили. Когда я был еще ребенком лет девяти, в стране возникли волнения. Я не понимал тогда их причины или забыл обстоятельства, их вызвавшие. Случались они нередко, и надо думать, что причиной был какой-нибудь налог, несправедливо наложенный на индейцев мексиканским правительством. Отец мой отказался платить налог, к нам явился отряд конных солдат, некоторых из нас перебили, а других, главным образом женщин и детей, увели с собой.

На следующий день мне пришлось быть свидетелем того, как они посадили моего отца в яму; направив на него дула нескольких ружей, мексиканцы требовали, чтобы он открыл им какую-то тайну. На это он попросил только поскорее его пристрелить, так как ему очень надоели москиты. Но они не убили его и опять отвели в тюрьму; меня ночью привел к отцу один священник, тоже по имени Игнасио, наш близкий родственник. Я помню, что в комнате была нестерпимая жара, а за дверью пьяные мексиканцы кричали, что надо перевешать всех индейских собак. Священник тихо исповедал моего отца в углу, а потом велел приблизиться и мне. Обняв мою голову, отец что-то надел мне на шею, но только на несколько мгновений; он тотчас снял этот предмет и; передавая священнику на хранение, заметил:

– Когда мальчик подрастет, отдай ему и сообщи что надо.

Я больше не видел своего отца. На следующий день его расстреляли. После этого моя мать переселилась вместе с отцом Игнасио в небольшой городок Тиапа, где был его приход. От горя мать скоро умерла, и мы остались жить вдвоем в большом хорошем доме почти на берегу вечно kloкочущей каменистой реки. И теперь ничего хорошего нельзя сказать про Тиапа, а тогда в нем жили, кажется, одни только разбойники; они были такие тяжкие грешники, что мой дядя часто не соглашался дать им отпущение грехов, даже перед смертью. Пути сообщения по большей части были очень плохими, и мы жили точно отрешенные от мира. Воспитание я получил довольно хорошее, благодаря отцу Игнасио, который сообщил мне все, что знал. Достигнув пятнадцати лет, я возымел неожиданное желание сделаться священником – и вот по какому случаю. В нашем городке случилось убийство, были зарезаны три странствующих торговца и сопровождавший их мальчик. Убийство было зверское, все знали виновных, но они были на свободе, так как поделились с властями частью добычи. Дядя мой в ближайшее воскресенье произнес в церкви проповедь на тему «не убий» и говорил так горячо, так убедительно и искренне, что большая часть молящихся заливалась слезами. Перед тем я видел убийство мальчика и вдруг понял, что всех нас ожидает смерть, что свет полон зла и преступлений и что лучше всего отойти от зла и в качестве священника прийти на помощь преступным людям. На следующий день я сообщил свое намерение дяде, который, к моему удивлению, ответил мне следующее:

– Мне тоже это решение было бы очень по душе, сын мой, но оно невозможно по причинам, которые ты узнаешь, когда вырастешь. Когда я исполню свой долг, ты сам тогда решишь и, если захочешь, сделаешься священником...

Прошло еще пять лет, я рос сильным и ловким и многому научился, так как дядя выписывал для меня книги из самой Испании. В числе их были книги про прошлое моего племени и покорение его испанцами. Я никогда не уставал от чтения, хотя мне грустно было слышать, как гордый некогда народ превратился в жалких рабов. Когда мне исполнилось двадцать лет, меня призвал дядя, совсем уже старый и слабый, и сказал:

– Наступило время, когда я должен открыть тебе тайну, завещанную твоим отцом. Прежде всего скажу тебе, что ты древнего царского рода, что твоим предком в одиннадцатом колене был знаменитый Куаутемок, последний царь ацтеков, которого испанцы предали смерти. Это подтверждается несомненными доказательствами!

– Следовательно, я по праву мексиканский император?! – воскликнул я с гордостью.

– Сын мой, в этом мире сила – единственное право. Ты только получишь особый почет среди индейцев, которые не перестают хранить память о древней независимости и чтут того, кто является старшим представителем царского рода. От Куаутемока к тебе переходит только один предмет... Быть может, ты припомнишь, что отец в ночь перед смертью возложил на твою шею одну вещь, а потом снял и отдал мне на хранение?

Это я хорошо помнил. Тогда дядя передал мне половину большого изумруда, имеющего форму половины сердца; камень не был сломан, а только разрезан сверху донизу – и таким искусным образом, что подобрать вторую половину можно было, лишь имея перед собой первую. Камень был оправлен в золотую цепь с странными надписями и изображением половины человеческого лица.

– Что это такое? – спросил я.

– Святыня, которую чтили твои предки, надо полагать. Отец твой говорил мне, что у индейцев живет еще предание, что когда соединятся обе половины камня, белолицые будут изгнаны из Центральной Америки и индейский царь будет править от моря до моря!

– А где же другая половина?

– Откуда я знаю? Твой отец мне почти ничего не сказал. Я священник и не могу принадлежать к тайным обществам. Но такое общество существует и, владея этим талисманом, ты будешь во главе, его, как были твои предки, хотя эта почесть принесла им мало радостей... Я ничего больше про это не знаю, но дам тебе письмо к одному старику-индейцу, который живет в округе, где твой отец был касиком. Я думаю, что при виде знака он посвятит тебя во все тайны. Но все-таки советую тебе пренебречь ими... Слушай, сын мой, ты очень богат. Насколько – не знаю, но несколько поколений собирали и хранили сокровища для неизвестной мне цели, и эти сокровища отдадут в твое распоряжение хранители, которым это было поручено. Из-за них были убиты твой отец и дед и многие другие, так как правители Мексики, узнав про эти богатства, стремились наложить на них свою руку, но безуспешно... И вот что поручил мне передать тебе твой отец: «Скажи моему сыну, когда он войдет в лета, чтобы он никогда

не отказывался от мысли восстановить корону Мексики или хотя бы изгнать испанцев и устроить индейскую республику. Для этой цели собраны большие богатства. Я умру, но не открою, где они спрятаны. Передай моему сыну, что я надеюсь – он посвятит свою жизнь тому, чтобы отомстить притеснителям нашей родины. Но пусть он знает, что он полный хозяин своих действий, потому что все, следовавшие по этому пути, терпели невзгоды и несчастья!»

После минутного молчания дядя добавил:

– Вот почему я говорил, что тебе еще не время приносить священнические обеты. Теперь ты все знаешь и свободен сделать выбор. Что же ты скажешь?

– Пока не отомщена кровь отца, я не могу сделаться священником! – ответил я после непродолжительного колебания.

– Этого я и опасался, – заметил дядя с глубоким вздохом. – Талисман произвел свое действие, и ты вступаешь на обгаренный кровью путь; быть может, и тебя ожидает насильственная смерть... И почему человек не может довольствоваться отделением добра от зла, предоставив судьбы народов усмотрению Всемогущего?

– Потому, – ответил я, – что Всемогущий избирает людей орудиями для Своих целей!

Неделю спустя за мной пришли несколько индейцев, чтобы отвести в тот округ, где жил отец. Дядя со слезами простился со мной, и я его больше не видел: он скоропостижно умер в мое отсутствие. Я могу сказать, что, за одним только исключением, не было на свете лучшего человека.

Через три дня пути через большие горы мы пришли к хижине одного очень старого индейца, Антонио, к которому у меня было письмо от отца Игнасио. Он радушно принял меня и познакомил с несколькими окрестными касиками, для чего-то собравшимися у него. Когда ушли все посторонние, один из них обратился ко мне со словами, которых я не понял, и спросил, имею ли я «сердце»? Я ответил, что «весьма вероятно», и мой ответ вызвал общий смех. Тогда они посвятили меня в общество «Сердца», и я сделался его наследственным главой и, несмотря на свою молодость, неограниченным повелителем многих тысяч людей, братьев и членов общества, разбросанных по

всей стране.

На другой день мне были показаны золотые богатства, оцененные более чем в миллион долларов. По совету Антонио я прожил некоторое время в ближайшей деревне, чтобы познакомиться со многими приходившими ко мне людьми. В это же время я совершил величайшую ошибку своей жизни. На расстоянии трех миль, в небольшой деревушке жили две сестры-индианки. Однажды все жители ушли в соседнюю деревню по случаю какого-то праздника. Случайно проходя поблизости, я услышал крики о помощи и, бросившись в дом, увидел, что двое разбойников, убив одну женщину, стараются нанести смертельный удар и другой. Выхватив нож, я неожиданно бросился на нападавших и, положив удачным ударом одного из них, хотел обезоружить второго, но в начавшейся борьбе один на один убил и его. Всех тайно похоронили, и никто ничего не узнал об этом происшествии. Оставшаяся в живых оказалась девушкой поразительной красоты. Мне часто приходилось встречаться с ней, так как она поселилась в той же деревне, где я жил. Через короткое время она совершенно пленила мое сердце, и я на ней женился, вопреки советам Антонио и других стариков. Для счастья всего индейского племени и, пожалуй, для моего собственного, было бы лучше, чтобы она умерла за час до того, когда рядом со мной предстала перед алтарем.

Я весь отдался возложенной на меня миссии. Мечтой всей моей жизни стало составить громадный заговор и поднять восстание всех индейцев в заранее определенный день, а по изгнании испанцев и их пасынков – испанских мексиканцев положить основание американскому царству. Это не было безнадежным сумасшествием – ждать успеха, где мои предки терпели неудачу; я был почти у самой цели. В продолжение нескольких лет я странствовал по всей стране, и не было деревни, где бы меня не знали как Хранителя Сердца и наследственного вождя индейских племен. Везде я старался пробудить народ от вековой спячки. Хранившееся золото могло быть мне большим подспорьем, но я берег его, довольствуясь для дела теми приношениями, которые стекались ко мне со всех сторон. Год или два я был самым могущественным лицом во всей Мексике. Ни один шпион испанцев ничего не узнал о моем заговоре. Но неудача меня сторожила, и я потерпел поражение.

Женщина, которую я спас от смерти, на которой женился, которую любил, которая была посвящена во все мои действия, изменила мне и выдала меня. Перед самым началом восстания, для лучшего наблюдения за властями, было с общего согласия решено, что моя жена под видом служанки поступит в дом того

человека, который управлял тогда всей Мексикой. Между тем она сошлась с ним и открыла ему весь наш заговор. Однажды ночью меня схватили и связанного привели в дом губернатора.

Меня тотчас же провели в кабинет, и мы остались одни. Подойдя ко мне с пистолетом в руке, он сказал:

– Мне известны все твои замыслы, приятель, и могу только похвалить за их прекрасное выполнение. Знаю также, что вы припрятали большие сокровища. Женщина, которую вы приставили ко мне и которой имели безумие доверять, не знает одного – где вы его храните. Это вы скрыли от нее, что доказывает, что вы еще не совсем спятили... Теперь я хочу сделать тебе великолепное предложение: откажись от этих сокровищ и ты будешь свободен, конечно, не раньше, чем минует день, назначенный для восстания: овцы без пастыря не опасны. В противном случае тебя ожидают суд и казнь!

– Как можете вы ручаться за других? – спросил я. – Ведь вы здесь не единственный белый!

– Во-первых, я их начальник! Во-вторых, они ничего не узнают, иначе мне придется поделиться с ними тем, что я хочу оставить себе одному. Так вот, друг мой, решайся, отдай мне золото и возьми свою жену. Я не останусь здесь больше, и ты можешь начать новый заговор против моего преемника. Только стой смирно, пока будешь думать, иначе я спущу курок!

– А мои товарищи?

– Трое или четверо из них уже того... умерли от тифа, надо полагать. Здания тюрьмы так ужасны! Но если золото окажет свое целебное действие, то эпидемия, конечно, прекратится!

Я сделал выбор, рассудив, что смогу накопить новое золото, но новой жизни не вернешь. Если я погибну, то пострадают и другие, и все мечты о независимости рухнут навсегда. Я знал, что этот разбойник сдержит свое слово.

Через десять дней он получил золото, а я был волен начинать дело снова, так как никто из обреченных на смерть ничего не узнал. Но здание, которое я созидал с таким трудом, с такой любовью, рухнуло, деньги были потеряны, и мое

обаяние, как освободителя народа, померкло навсегда. И все это случилось благодаря женщине, изменившей мне. Я долго думал об этом и дал клятву никогда не иметь ни с одной женщиной никакого дела и отстраняться от них даже в помыслах. Я сохранил эту клятву. Что случилось с моей женой, не знаю. Я рассказал все моим товарищам, и, вероятно, один из них отомстил ей за всех нас. Я же сам лежал несколько недель больной, между жизнью и смертью...

При мне осталась только тень прежней власти. Я пробовал возобновить попытку, но без друзей, без средств ничего не мог сделать. Иногда я вспоминал свое желание быть священником, но было поздно начинать учение. Я странствовал по всей стране, участвовал в трех войнах и, наконец, сделался управляющим одного рудника.

Тут-то я и познакомился с Джеймсом Стриклендом, с которым совершил странствие в Сердце Мира.

III. Сеньор Стрикленд

Двадцать два года тому назад я, Игнасио, посетил небольшую деревню Кумарво в штате Тамаулинадасе, где жил один из наших братьев. Он звал меня, чтобы вручить одну хранившуюся у него рукопись, написанную древними письменами, которую никто не умел прочесть. В ней будто бы заключалось точное обозначение местности, где было спрятано по распоряжению Куаутемока, моего предка, большое сокровище с целью скрыть его от Кортеса, вождя испанцев. Старый Антонио научил меня этим письменам, хотя это искусство умрет со мною. Я не думаю, чтобы кто-либо еще знал его. Но и здесь меня ждала неудача: старик-индеец, хранитель рукописи, умер до моего прихода, и его сын не мог найти, где она спрятана.

Тут же я узнал, что по соседству живет один инглезе, англичанин, прибывший всего с полгода назад; он был управляющим серебряных приисков, которыми владело какое-то иностранное общество. Положение его было трудное, так как соседние владельцы старались отвадить от него рабочих, потому что он, в противоположность им, хорошо обращался со служащими и аккуратно расплачивался. Население деревушки мирно работало шесть дней в неделю, но в воскресенье предавалось такому разгулу, что недели не проходило без

преступлений и убийств. Я сам сделался очевидцем одного из них. Проходя по деревне, я заметил, что на улице лежали два трупа индейцев, около них на коленях стояла молодая красивая девушка, а немного в стороне какой-то человек, оказавшийся потом цирюльником и врачом, обвязывал голову четвертого, по-видимому тяжело раненного.

- В чем дело? - спросил я цирюльника.

- Если не ошибаюсь, вы - дон Игнасио? - перебил он меня, делая условленный знак Братства. - Мы знали, что вы придете к нам, и очень радовались. Быть может, вы положите конец этим безобразиям...

- В чем дело? - переспросил я.

- Вот эта девушка должна была выйти замуж за этого, - ответил он, указывая на человека, которого перевязывал, - но потом дала слово тому, что лежит там дальше. Напившись пьяным, первый жених убил второго, а девушка побежала к брату убитого, который захотел отомстить, но неудачно: первый жених его также убил. Пришла стража и накинулась на убийцу, но плохо исполнила свое дело, не добила его!

- Это дело твоих рук! Или ты не ведаешь страха? - обратился я к женщине.

- Почему? - ответила она спокойно. - Чем я виновата, если хороша и мужчины режутся из-за меня... Кто же вы такой, чтобы мне бояться?

- Безумная! - остановил ее цирюльник. - Как смеешь ты так говорить с Повелителем Сердца?

- Отчего же нет? Или он и мой господин?

- Слушай, девушка! - ответил я ей. - Это не первое убийство из-за тебя; другие случались раньше...

- Откуда вы знаете? Впрочем, зачем мне спрашивать. Если вы Повелитель Сердца, то знаете чары, чтобы читать все тайны!

– Слушай же! Ты немедленно покинешь эту страну, иначе умрешь! Если где-либо ты причинишь еще кому-нибудь зло, тоже умрешь!

– Разве вы правительство, что имеете право убить меня?

– Нет, я не правительство. Но среди твоего народа я значу больше, чем всякое правительство. Мое слово будет исполнено там, где целый отряд солдат вызовет только насмешки, и если я говорю тебе, что ты умрешь, то ничто не спасет тебя. Ты оступишься в пропасть, или тебя унесет смертельная лихорадка, или ты потонешь в реке!

– Замолчите, господин мой! – дрожащим голосом заговорила девушка. – И не смотрите на меня так страшно. Но что делать бедной девушке, если мужчины заглядываются на нее, а она ненавидит их всех... Впрочем, того, убитого, я не ненавидела, а искренно хотела быть ему верной женой... Этого же я теперь отравлю!

– Нет, ты его не отравишь и не причинишь ему никакого зла. А теперь иди, и помни мои слова!

Женщина поклонилась мне в ноги и молча удалилась. Повернувшись, я увидел около себя бесшумно подошедшего человека, которого еще никогда не встречал. Он мне сразу очень понравился, хотя по внешности был моей совершенной противоположностью: среднего роста, но крепкого сложения, ясный взгляд синих глаз, белокурые волосы и очаровательная веселая улыбка.

– Прошу прощения, сеньор, – обратился он ко мне на хорошем испанском языке, снимая шляпу, – но я случайно слышал часть ваших слов. Я невольно удивляюсь, что вы, пришелец, можете иметь здесь такую власть. Научите меня, что надо сделать для прекращения этих преступлений? Оба убитых были моими лучшими работниками, и я затрудняюсь, кем их теперь заменить...

– Я не могу объяснить вам источника своей власти, сеньор; скажу только, что занимаю несколько особое положение среди индейцев... При этом прошу вас, хотя знаю, что не имею права так обращаться к иностранцу, – забудьте мои слова про здешнее правительство. Оно очень ревниво к такой тайной власти!

– Разумеется! А теперь adios[1 - Прощайте (исп.)], сеньор, зрелище здесь не настолько привлекательно, чтобы на нем останавливаться!

Он поклонился и ушел. Цель моего путешествия в Кумарво не была достигнута, и я решил пробыть здесь еще несколько дней, в надежде, что рукопись где-нибудь найдется. В сущности, я искал случая сблизиться с англичанином. Вскоре мне пришлось оказать ему большую услугу. Его завистливые соперники решили убить неприятного им соседа и составили для этой цели целый заговор; к участию в нем они привлекли нескольких рудокопов, соблазнив их сообщением, что в доме англичанина находится большое сокровище, которое они все поделят между собой в случае его смерти. Слух об этом дошел до меня через одного из братьев нашего общества. Злоумышленники предполагали в полночь окружить дом Стрикленда, в котором он жил с пятью или шестью слугами, и всех перебить. Я собрал несколько верных помощников и отправил их поздно вечером по двое и по трое, чтобы не возбуждать подозрений, по дороге к руднику Стрикленда, приказав дожидаться моего прихода близ сада, который окружал жилой дом. Потом я расположил их по обе стороны от входа, спрятав в кустах за забором.

Ждать пришлось недолго. Не успели пропеть первые петухи, как послышались шаги целой толпы народа. Они так боялись англичанина, что пришли в большом числе, хотя каждый знал, что всякий лишний участник уменьшает долю добычи.

– Не разбудить ли англичанина? – спросил меня мой сосед.

– Нет, мы это сделаем, когда все закончим. Пусть никто не стреляет, пока я не прикажу!

Злодеи были уже совсем близко. Они остановились для последнего совещания, и в эту минуту я свистнул. Напуганные убийцы хотели броситься назад, но побоялись и вбежали в сад, где мы встретили их выстрелами и ножами. Многие полегли, некоторым удалось скрыться.

– Что здесь за шум? – раздался громкий голос англичанина, выскочившего из дома с револьвером в руках. – Убирайтесь вон, или я буду стрелять!

– Я надеюсь, что сеньор извинит нас за шум, так как втихомолку дело было сделать нельзя... Наденьте мой плащ, сеньор, а то вы простудитесь: ночью

холодно!

– Благодарю вас, – ответил Стрикленд, закутываясь в плащ, – а теперь вы можете дать мне объяснение, почему избрали мой сад местом битвы?

Я рассказал ему обо всем, что произошло. По мере моего рассказа лицо англичанина все более омрачалось. Когда я закончил, он воскликнул:

– Приходится вас благодарить, сеньоры, хотя я и не просил вашей услуги. Ваше поведение мне все-таки очень странно: стрелять в моем саду, даже не предупредив меня! Или я девушка, которая всего боится?

Тут он весело рассмеялся и крепко пожал мою руку. В тот же день он прислал мне приглашение на обед.

– Я обязан вам спасением своей жизни, дон Игнасио, – произнес он, заведя меня, – хотя не понимаю, зачем вы так заботились об иностранце?

– Вы мне сразу полюбились, сеньор, кроме того, вы хорошо обращаетесь со своими рабочими, что очень не нравится здешним шахтовладельцам. Они собирались вас убить и навести страх на других. Теперь же они долго не забудут полученного урока!

– Тем лучше, так как у меня и без того много хлопот, чтобы еще заботиться о собственной безопасности. Теперь скажите, чем вы сами Занимаетесь?.. Ничем в настоящую минуту?.. Хотите занять здесь место помощника, собственно надсмотрщика над индейцами-рабочими? Жалование сто долларов в месяц, средства не позволяют давать больше!

После некоторого размышления я ответил:

– Это не такие деньги, чтобы меня соблазнить; хотя я и соглашаюсь на ваше предложение, но только при одном условии: в любое время я могу покинуть вашу службу. Я не совсем свободен, так как сам на службе у большого общества. Временно я свободен, но меня могут призвать в любой час!

Тут я пробыл год с небольшим, много работая вместе со Стриклендом. За этот год не случилось ничего особенного. Вот в нескольких словах история самого Стрикленда.

Сын небогатого английского священника не нашей, а еретической церкви, он после смерти отца с небольшим капиталом отправился в Америку, завел ферму в Техасе, занимался скотоводством, но прогорел. Некоторое время он бедствовал и даже – мне больно это писать – был слугой в одной панамской гостинице. Потом он попал на рудники, быстро освоился с этим делом и вскоре стал управляющим у одного американца на границе Гондураса. Здесь он выучился говорить по-испански и на нашем индейском языке майя. Заболев там лихорадкой, он приехал в Мексику и здесь принял место в Кумарво.

Металла было достаточно, но работы затруднялись отсутствием воды для промывки. С самого приезда Стрикленд старался отвести воду и рыл для этого особый водосток. С моим прибытием число рабочих рук увеличилось, и работа была скоро окончена. Доходность сильно возросла. Вода, однако, послужила причиной нашего несчастья! По прошествии нескольких месяцев она хлынула однажды с такой силой, что залила все шахты. Откачать ее не было никакой возможности, в то время во всей Мексике не было ни одного парового насоса. Мы послали донесение правлению общества, прося отпустить средства на исправление дела. Ответ заставил ждать себя долго. Наконец пришло решение.

Несчастливая случайность приписывалась нерадивости Стрикленда, его отставляли от должности и отказывались заплатить жалование, которое он почему-то не брал в течение нескольких месяцев. Кроме того, они выражали намерение предъявить к нему иск в размере понесенных потерь.

– У этих людей нет стыда! – воскликнул я, когда Стрикленд прочел мне бумагу. Я был возмущен, зная, как много, не покладая рук, трудился мой друг.

– Не волнуйтесь, Игнасио! Я потерпел неудачу и должен смириться. Таков общий закон во всем мире. Знаете ли вы, что у меня всего тысяча долларов в мексиканском банке? Из них восемьсот принадлежат вам. Ведь я тратил здесь свои деньги, пока работы были приостановлены и не приходил ответ от хозяев. Я удаляюсь отсюда без больших миллионов! – закончил он весело.

– Замолчите! Или вы считаете меня вором, способным отнять у вас почти все ваше состояние? Не повторяйте таких суждений, если не хотите меня обидеть!

С этими словами я вышел и в раздумье пошел в горы.

IV. Приглашение

Я едва прошел несколько сот шагов, как встретил хозяина того дома, у которого жил в Кумарво в первые дни своего пребывания.

– Господин, – обратился он ко мне (так часто звали меня посвященные братья, а наедине иногда даже величая царем), – я шел к тебе, свиток найден!

– Какой свиток? – спросил я в недоумении.

– Тот самый, из-за которого ты сюда прибыл. Вчера чинили крышу моего дома и под ней нашли спрятанный свиток. Я несу его тебе!

– Хорошо. Я прочту его сегодня ночью!

Мы разошлись, и я отправился дальше, думая больше всего о делах Стрикленда. На повороте узкой тропинки у крутого склона горы я неожиданно увидел вооруженного незнакомца. Я быстро схватил свой нож и занял оборонительную позицию.

– Удержи свою руку, дон Игнасио, господин мой! – услышался знакомый голос, и я признал в незнакомце своего родственника Моласа.

– Что привлекло тебя сюда из Чьяпаса?

– Дела Сердца, господин мой, великий Повелитель Сердца... Но где я могу говорить с тобой без свидетелей?

Я повел Моласа к себе домой, накормил и напоил утомленного путника и тогда опять спросил о цели его долгого путешествия.

– Скажи мне, господин, какое пророчество связано с тем символом, хранителем Которого ты являешься?

– Такое, что когда соединятся обе его половины, царство индейское восстановится от моря до моря, как было тогда, когда Сердце еще не разбили пополам!

– Так! Мы все это хорошо знаем из «Откровений Сердца». Та половинка, которая у тебя, видимая всем, носит название «День», а другая, утраченная, именуется «Ночью»... Соединенные вместе, они составят сплошную поверхность, и тогда возродится наше царство...

– Да, Молас, все это так!

– Теперь слушай. «Ночь» появилась в стране, и я видел ее собственными глазами; чтобы тебе это передать, я и пришел сюда!

– Говори дальше...

– Близ Чьяпаса есть развалины храма, построенного древними, и туда пришел один старик с дочерью. Девушка – красавица, каких я еще не видывал, а старик – зловещего вида. Он лечит больных разными травами и многим помогает, хотя на вид кажется безумным. У меня заболела жена, и я пошел к этому целителю за помощью, хотя она отговаривала меня, сказав, что уже видела лицо смерти и дни ее сочтены. Но я все-таки пошел. Через день я добрался до его жилища.

«Что привело тебя ко мне, брат мой, – спросил меня старик на нашем родном языке, но с немного отличным говором. – Или ты болен „сердцем“?»

Услышав эти слова, господин мой, я весь обомлел. Я поспешил Ответить установленным в нашем обществе образом, и также делал, отвечая на второй, третий и следующие вопросы, спрашивая, в двою очередь, его самого – и так до двенадцатого. Дальше я не знал. Я слышал слова, понимал их значение, но не мог ответить. Очевидно, он был выше меня в нашем обществе. Я поклонился

ему. Тогда он меня спросил:

«Кто выше тебя в этой стране?»

Я ответил, что никого нет, кроме одного, самого высокого!

Он посмотрел на меня с большим любопытством, но ничего на это не сказал. После некоторого молчания он добавил:

«Мне жаль огорчать тебя, но твоя больная уже кончила свой путь на этой земле. Я чувствую сейчас ее душу среди нас».

В это время подошла девушка действительно поразительной красоты, точно явление с неба.

– К делу, Молас, к делу! Что мне до этой девушки?! – нетерпеливо перебил я своего собеседника.

– Я поверил словам Зибальбая – так зовут этого врача. Мне было очень грустно, потом оказалось, что именно в этот час умерла моя жена. Старик меня утешил:

«Ты вскоре соединишься с ней в Сердце Неба, не сокрушайся».

Девушка что-то сказала отцу, и он пригласил меня подкрепить силы перед обратной дорогой. Пока мы ели, он опять обратился ко мне:

«Я вижу, что ты один из наших братьев. То, что я скажу, сохрани про себя. Мы сюда пришли издалека. И мы не то, чем кажемся. Но еще не настал час, чтобы говорить. Пришли мы за тем, что едино, но раздельно, что не утрачено, а только спрятано. Быть может, ты нам укажешь, куда идти?»

Я понял, о чем он говорил. Взяв свою палку, я начертил на полу комнаты, где мы сидели, половину сердца, и передал палку Зибальбаю.

«Докончи, дочь моя!» – сказал старик девушке, и та тотчас дочертила остальное.

«Нужны ли тебе еще слова? Или ты веришь увиденному?»

Я ответил утвердительно.

«Теперь скажи мне, где находится спрятанное?»

«У того, кто его законный хранитель. Я пойду к нему и скажу все, чему был свидетелем. Но он живет очень далеко!»

«Хорошо. Передай ему, что настал час для соединения „Дня“ и „Ночи“ и что настало время, чтобы на обновленном небе засияло новое солнце!

«А если он мне не поверит и не захочет прийти?» – спросил я.

«В таком случае, смотри!» – проговорил старик. И он отстегнул ворот своего плаща; я увидел вторую половину того символа, первую половину которого ты унаследовал от предков, о, господин, повелитель мой! Больше мне нечего добавить!

Я был поражен.

– Больше он ничего не велел тебе передать? – спросил я Моласа.

– Ничего. Он сказал, что ты истинный хранитель тайны, но или сам придешь к нему, или призовешь к себе!

– А ты что сказал ему про меня?

– Ничего. У меня не было никаких указаний. Подкрепив силы свои, на следующий день я ушел от старика домой. Зибальбаю я сказал, что через восемь недель надеюсь вернуться обратно. Узнав, что у меня нет денег, он взял из лежавшего в углу мешка две большие пригоршни золотых монет с изображением сердца на каждой из них и отдал мне.

– Покажи мне хоть одну из них, – попросил я Моласа.

– Увы, господин! У меня нет больше ни одной монеты. Не очень далеко от развалин храма, где нашел себе приют Зибальбай, лежит асиенда Санта-Крус, а там, как ты, может быть, сам слышал, живет шайка разбойников во главе с доном Педро Морено. Эти люди поймали меня на дороге и, найдя золото, отвели к своему вождю. Я отказался отвечать, откуда у меня необыкновенные кружки. Тогда он посадил меня в темный подвал, обещая не выпускать, пока я не открою, откуда у меня такие редкие деньги. Меня очень заботила судьба жены, я точно обезумел, и язык мой произнес те слова, которых добивались грабители! «Пресвятая Матерь Божья! – воскликнул дон Педро. – Я слышал про этого безумца, но не знал, какой у него хранится товар. Тогда я непременно его навещу...»

Меня они отпустили с миром. Глубокое раскаяние овладело мной, я боялся, что ты, господин мой, не увидишь этого старика и великая тайна исчезнет навеки!

– Быть может, Господь сохранит их дни, хотя ты совершил ужасное преступление! Теперь скажи, как ты добрался сюда без денег?

– Дома я добыл немного денег. Похоронив жену, я распродал свое имущество, дошел до моря, а в порту Фронтера сел на корабль в качестве матроса до Веракруса. В городе Мехико я обратился к старшему из тамошних наших братьев, который сказал мне, где ты находишься. Я пробыл в пути месяц и два дня, теперь прошу тебя дать мне ночлег, я умираю от усталости и завтра расскажу еще, если что-либо припомню!

В эту ночь я долго не мог заснуть, раздумывая над всем слышанным от Моласа. Чтобы несколько отвлечь свои мысли, я принялся за старый свиток. С некоторым затруднением я прочитал старинные письма о том, что близ Кумарво находятся большие залежи золота, а также описание пути и приметы, по которым можно найти вход в пещеру. Свиток передавался с незапамятных времен от одного касика этой местности к другому и таким образом дошел до меня: в течение многих веков удалось сберечь сокровища от алчных испанцев.

На другой день рано утром я вошел к моему английскому другу и сказал ему:

– Сеньор, припомните, что я говорил вам, когда поступал к вам на службу. Теперь мой час пробил, за мной пришел посланник, чтобы вести на другой конец Мексики. Я не могу ничего сказать об этом деле, но завтра утром я должен быть

уже в пути!

- Мне грустно это слышать, Игнасио, вы были мне всегда добрым и верным товарищем. Но вы правильно делаете! Зачем связывать свою судьбу с неудачником?

- Меня обижают ваши слова, сеньор, но я прощаю вам их, так как знаю, что они исходят из удрученного сердца. Теперь скажите, согласны ли вы отправиться со мной в горы, не очень далеко?

- Хорошо. Но куда?

- На другой рудник, в двух часах езды отсюда. Я только этой ночью узнал про него, зато в дни Монтесумы он славился обилием золота.

- В дни Монтесумы? - удивился Стрикленд.

- Да. С того времени его не разрабатывали. И вы можете застолбить его, дайте только несколько долларов тому индейцу, который рассказал мне о нем. Он бедный человек.

- Но отчего вы сами этого не сделаете?

- По двум причинам. Во-первых, мне хочется оказать вам услугу. А во-вторых, я не могу сам заняться им, так как спешу в другое место. Если я вернусь, вы уделите мне часть прибылей, и я тоже тогда буду богат. Я сейчас покажу вам, как я нашел след этого сокровища!

Тут я подробно объяснил содержание свитка.

- Не будем же терять времени...

- Не взять ли с собой людей?

- Нет, сеньор! Место еще не найдено, пойдут толки, и кто-нибудь перебьет у вас все дело. Я мог бы положиться на вчерашнего посланника, но он так утомлен, что еще спит. К тому же нам предстоит длинный путь!

Через час мы уже ехали в горы. Моласу я велел передать, что вернусь к ночи. Перевалив через первую гору, мы вступили в довольно широкую долину, по которой текла быстрая речка. Перебравшись через нее вброд в месте, указанном на моем свитке, мы двинулись прямо к одной высоко выступающей скале. У ее подножия должно было расти широко раскинувшееся дерево.

– Похоже, где-то здесь вход в рудник, – сказал я, еще раз сверившись с рукописью.

– Но я не вижу дерева! – заметил Стрикленд.

– Вероятно, оно погибло от старости, но, судя по описанию, вход здесь или поблизости. Привяжем лошадей и будем искать!

После недолгих поисков я нашел остатки корней большого дерева и на скале напротив увидел очень искусно приставленные обломки камней, заросшие ползучими растениями.

Подойдя еще ближе, мы уже могли видеть следы ударов молотком по этим камням. Вход нами был найден. Оставалось только отвалить камни. Однако это оказалось нам не под силу. Обойдя несколько раз кругом, мы обратили внимание у подножия стены на небольшую, но довольно глубокую впадину в скале.

– Не это ли вход? – спросил Стрикленд.

– Возможно, что это отверстие было оставлено для обращения воздуха в руднике. Нам остается только войти и посмотреть. Принесите, сеньор, заступы и ломы, и мы сейчас увидим!

Через четверть часа работы мы несколько расширили отверстие, и нашим глазам представился узкий, длинный и темный вход. Взяв с собой привезенные свечи и молот, мы друг за другом смело вползли в пещеру.

V. Сказание о Сердце

Не успел я сделать несколько шагов, как отверстие неожиданно расширилось, так что мы смогли встать в полный рост и зажечь свечи. Не было никаких сомнений, что мы во входном коридоре заброшенного рудника. На пути нам встречались большие каменные глыбы, по-видимому отвалившиеся от потолка. Пройдя еще немного, я остановился и сказал своему спутнику:

– Не лучше ли нам, сеньор, уйти обратно? В рукописи говорилось, что рудник из опасных, и время, кажется, совершенно уничтожило все подпорки, если даже они и были поставлены.

– Разумеется. Мне тоже не нравится вид верхнего свода. Он полон трещин!

При этих словах к его ногам свалился камень величиной с детскую голову.

– Не говорите громко! – прошептал я. – Звук вашего голоса вызывает опасные колебания!

Нагнувшись, чтобы поднять упавший камень, я ощутил под руками нечто острое. Это оказалась берцовая кость человеческого скелета, пожелтевшего от времени. Немного дальше лежали и другие кости.

– Вероятно, несчастного пришибло упавшим осколком! – заметил Стрикленд.

Мы медленно продвигались назад к выходу.

– Вот, посмотрите сюда, Игнасио! – остановил меня мой друг, наклоняясь и поднимая небольшой самородок чистейшего золота в несколько унций весом.

– Не подлежит сомнению, что это очень богатый рудник, – ответил я, – но я слышу вдали зловещий гул, и нам лучше скорее уходить!

При мерцающем свете свечи двигаться было очень неудобно, и Стрикленд нечаянно ударился коленом о выступ стены. Вероятно, удар был довольно сильный, потому что, забыв всякую осторожность, он громко вскрикнул. Над самой головой раздался резкий шум, точно раздиралась крепкая ткань, и мгновение спустя я лежал на земле, придавленный большой каменной глыбой, оторвавшейся от свода. Она удержалась на том выступе, о который ударился

Стрикленд. Темень кругом была полная, так как мой спутник также упал, и свеча погасла. Первой моей мыслью было, что он умер. Прошло несколько минут, прежде чем я услышал его вопрос, произнесенный тихим голосом:

- Игнасио!.. Вы живы?

Я помедлил с ответом. Мне было ясно, что свод долго не выдержит. Я не мог шевельнуться, и если Стрикленд останется со мной, то и он обречен на смерть. Меня ничто не могло спасти, а он мог уйти. И все-таки я ответил, хотя знал, что он не уйдет.

- Бегите, сеньор! Я жив. Только зажгу свечу и последую за вами!

- Вы говорите неправду, Игнасио! Ваш голос доносится с земли!

Пока он говорил, я опять услышал шум. Когда он засветил свечу и внимательно осмотрел мое положение и свод над нами, то мог увидеть висевший на выступах стены огромный камень, слегка качавшийся при его малейших словах.

- Ради Бога, уходите! - шептал я. - Через несколько часов будет поздно, а мне ничем помочь нельзя. Я обречен на смерть, и меня надо предоставить собственной участи!

После минутного колебания он опять собрался с мужеством и едва слышно заговорил:

- Мы вместе вошли, вместе выйдем или вместе погибнем. Камень только придавил вас, а не раздробил кости, иначе вы не смогли бы сказать ни слова!

- Нет, друг, я получил смертельный ушиб, хотя кости мои, может быть, целы. Бегите отсюда, умоляю вас!

- Нет! - ответил он решительно. - Я постараюсь приподнять камень!

Но как он ни был силен и крепок, он ничего не мог сделать!

- Я отправлюсь за помощью! - сказал он тогда. - И приведу людей!

– Да, да, сеньор! – поспешил я укрепить его в этой мысли, зная, что он не успеет вернуться. Зато он сам будет спасен! – Но погодите одну минуту. Я передам вам один предмет; нагнитесь ниже, чтобы я мог возложить на вашу шею эту цепь. Если вы когда-либо будете нуждаться в услуге индейцев, покажите этот предмет какому-нибудь вождю, и он умрет за вас, если это потребуется. Я сделал вас наследником мексиканского царства в сердцах всех индейцев, потомков свободных некогда ацтеков. И да хранит вас Бог!

Стрикленд молча положил в карман мой талисман и быстро ушел.

– Вероятно, он слишком испуган и боится говорить! – подумал я. – Впрочем, он должен скорее спасать свою жизнь!

Но этими мыслями я жестоко оскорбил своего друга. Потом он говорил мне, что, выйдя из пещеры, он был в полном недоумении, как меня спасти. Эта местность была необитаема, и потребовалось бы несколько часов, чтобы добраться до Кумарво и привести оттуда людей. Он неподвижно стоял некоторое время, когда его взор случайно упал на росший неподалеку, близ небольшого журчащего ручейка, ствол мимозы. Его осенила блестящая мысль: с помощью рычага ему удастся то, чего он не мог достигнуть голыми руками. Перескочив ручей, он ухватился за дерево, нагнул его и надломил у самого корня. Надрезать и очистить ветки охотничьим ножом было делом минуты. Но в это время из пещеры до него донесся новый шум. Робость овладела им, и он готов был бежать. Но горячее желание спасти друга опять взяло верх, и он вошел в пещеру. Большой камень висел по-прежнему; свалился другой, ближе к выходу.

– Вы живы, Игнасио?

Эти слова вызвали меня из забытья, в которое я впал от боли. Но спасение все-таки казалось немислимым. Даже с помощью принесенного рычага Стрикленд не мог приподнять камень.

– Подвиньте рычаг немного правее, там больше места! – посоветовал я, ощупав положение камня.

Он так и сделал, и повиснув всей своей тяжестью на другом конце; рискуя сломать дерево, Стрикленд слегка приподнял давивший меня гнет. Сжавшись,

как только возможно, извиваясь, как змея, я выполз из-под камня. Но встать на ноги я был не в силах.

- Меня надо нести, сеньор! - сказал я.

Англичанин быстро взял меня на руки и торопливо направился к выходу. Новые глухие раскаты слышались за нами, но мы были уже у самого выхода; а минутой спустя я лежал на берегу ручья, вдали от страшной пещеры.

- Клянусь Господом Богом, что нет на земле человека благороднее вас! - воскликнул я и тотчас же упал в глубокий обморок.

Десять дней прошло после того, как меня принесли в Кумарво на носилках, прежде чем Стрикленду и Моласу удалось в первый раз посадить меня на постели. Все это время я находился между жизнью и смертью и теперь был уже на пути к исцелению.

- Кстати, Игнасио, я еще не отдал вам ваш талисман! - сказал мне Стрикленд. - Может быть, вы объясните мне теперь те странные слова, которые говорили мне в пещере? Или это было бредом больного?

- Слушайте, сеньор, только посмотрите, хорошо ли закрыта дверь, и подойдите ближе... Этот разломанный драгоценный камень есть символ большого общества. Вы теперь один из самых старших в нем, хотя еще и не посвящены во все тайны. Но обряд ведь выполнен, так как он заключается в возложении этого камня на грудь посвященного и сделать это могу только я - царь и потомственный Хранитель Сердца. Я скажу вам потом больше, но теперь знайте, что первая обязанность каждого служителя общества - это молчание, и этого я требую от вас. Люди часто предпочитали умереть, чем проронить слово, их жгли и пытали отцы инквизиции, но они безмолвствовали!

- А если кто-нибудь откроет ваши тайны? - спросил Стрикленд.

- Для таких есть страна, куда они отправятся раньше, чем это начертано в книге жизни!

- То есть, такого вы убиваете?

– Нет, но вскоре он случайно умирает, как неверный брат, будь он хоть самый старший в обществе. А потому мы говорим: имеющий уши да слышит!

– Имею уши и слышу! – повторил Стрикленд и тем самым произнес клятву молчания.

– Теперь я могу открыть вам нашу тайну, насколько я сам ее знаю, и как мне ее передали.

Вы слышали, быть может, предание про белого человека, или бога, которого индейцы зовут Кветцалом, или Кукумацем[2 - Кукумац (Кветцал) – так многие центрально-американские индейские племена называли бога Кецалькоатля.]. Он посетил эти страны и устроил жизнь здешних народов. Потом отплыл в море на корабле, обещая вернуться по прошествии многих поколений, когда он отбыл, основанное им царство перешло во власть двух братьев; Жители чтили, как и мы, христиане, единое божество, Сердце Неба, которому поклонялись и приносили бескровные жертвы. Но вот один из братьев взял жену из соседней страны, какое-то исчадие дьявола, но дивной красоты, и по ее внушению стал приносить жертвы ее божествам, и жертвы даже человеческие. В народе началось смятение, и народ разделился на две части: поклонников Сердца и поклонников дьяволов. Междоусобные распри были продолжительны и кровопролитны, пока наконец они все не пришли к решению разойтись в разные стороны. Поклонники чужих богов ушли на север и сделались родоначальниками ацтеков и других племен, а поклонники Сердца остались в стране Табаско. Но от тех и от других удача отвернулась. Ацтеки некоторое время процветали, но пришли испанцы и покорили их. Другая половина разделившегося народа сделалась жертвой нашествия диких племен и погибла, а с ней, по-видимому, исчезла и старая вера.

– Это очень интересно, но какое отношение ко всему сказанному имеет ваш талисман?

– Когда Кветцал покидал царство, то оставил в наследие царям камень, который он сам носил; вы видите теперь его половину. И он сказал, что пока изображающий сердце камень будет целым, то и народ его будет в единстве и нераздельности. Если же он разобьется или сломается, или будет разделен, то царство распадется и соединится опять только тогда, когда соединятся части камня. Братья-цари поссорились и распилили камень. У меня та часть, которая досталась женатому брату, ушедшему из родной страны. Существует много

преданий про этот камень. Им неизменно владели все ацтекские цари вплоть до Куаутемока, их последнего царя. От него он дошел до меня!

- А какое отношение имеете вы к Куаутемоку?

- В одиннадцатом поколении я его прямой потомок!

- Следовательно, вы имеете все права быть мексиканским императором?

- Да, сеньор. Но обо мне потом. Я еще не закончил историю камня. Он не был утрачен, и его знает народ во всей стране. Тот, кто его носит, зовется «Хранитель Сердца» или «Упование Бодрствующих». И может случиться в наши дни, что обе половины соединятся!

- И тогда?

- И тогда, по словам предания, индейцы снова будут могущественным народом, они изгонят своих притеснителей в пучину моря, и ветер рассеет их прах!

- Вы всему этому верите? - спросил сеньор.

- Да, во всяком случае, большей части! Мне недавно сказали, что нашлась и другая половина Сердца, и как только я немного поправлюсь, я пойду, к тому, кто ее хранит и кто пришел, чтобы меня найти.

- Откуда явился этот человек?

- Я еще не знаю наверняка. Но думаю, что он пришел из того священного индейского города, который так старательно искали испанцы, но не могли найти. По-видимому, Золотой Город еще существует среди гор и пустынь внутри материка; я надеюсь, что отправлюсь; с ним туда.

- Игнасио, вы сошли с ума! Этого города нет и никогда не было!

- По вашему мнению, может быть. Но я думаю иначе. Я знал человека, дед которого видел город. Это был уроженец Сан-Хуан-Батиста в Табаско. В юности он совершил какое-то преступление и, опасаясь преследований, бежал в горы. Я

не знаю всех его преступлений, но однажды он очутился на берегу большого озера, кажется, недалеко от нынешней Гватемалы. Утомление совершенно лишило его сил, и он впал в забытие; когда он пришел в себя, то увидел множество людей. Это были индейцы, но белолицые и одетые в нарядные белые одежды, с изумрудными украшениями и в меховых шапках. Они посадили пришельца в большую лодку и отвезли в знаменитый город с большой высоко возвышающейся пирамидой в центре. Это и было Сердце Мира. Но он видел немного, так как его держали взаперти, как пленника. Только иногда его приводили на совет старейшин и подробно расспрашивали про его родину, ее обычаи, а больше всего про белых, которые ее покорили. По его словам, в одной только зале совета было больше золота, чем можно найти во всей Мексике. Когда ему больше нечего было сообщить, ему стала грозить смерть, так как жители боялись, чтобы он не убежал и не открыл их тайны. Он спасся благодаря помощи одной женщины, которая перевезла его на лодке через озеро. Сама она умерла в пути. Тогда он поселился в небольшой деревушке близ Паленке, никому ни слова не говоря про свои странствия: он боялся мести жителей Сердца Мира. Только на смертном одре он рассказал эту историю своему сыну, который, умирая, также передал ее своему сыну, а тот – мне... Сеньор, мечтой моей жизни было посетить этот город, и я думаю, что теперь нашел способ и случай туда добраться.

– Зачем вам это нужно?

– Чтобы меня понять, вы должны знать, сеньор, мою собственную историю, – ответил я и рассказал ему все, что касалось моего неудачного заговора. – Хотя меня одолели, но я еще не хочу сдаваться и вновь попытаюсь создать большое индейское царство. Вы смотрите на меня, как на безумца. Может быть, правы вы, а может быть, – я. Я могу гнаться за мечтой, но иду по пути, указанному направляющим лучом. Я не ищу своих выгод, не стремлюсь к собственной пользе, а забочусь только о благе народа!

– Но чем вы поможете своему народу, если посетите таинственный город, пусть даже и существующий в действительности?

– А вот чем, сеньор: среди этого народа Зибальбай, так зовут старика, должен быть царем или одним из старших, а народ этот – прямые потомки древнего племени. Когда они услышат мои предложения, то дадут мне средства, чтобы образовать великое царство для них самих!

– А если они рассудят иначе, дон Игнасио?

– Одной неудачей больше, одной меньше, стоит ли об этом думать? Я, как пловец, который видит – или ему кажется, что он видит, – единственную доску, на которой он спасется! Он может не доплыть до нее, доска может не выдержать его тяжести, но если у него нет другой надежды, то он плывет к доске. Так и я, сеньор. Там город полон богатств, а без больших, очень больших средств я бессилён. Корабль, на который были нагружены мои богатства и мои надежды, пошел ко дну. Я в отчаянном положении и решаюсь на отчаянное средство... Прежде всего, я повидаю старика. Потом, если обе половины сердца сойдутся, то, вероятно, отправлюсь с ним в Сердце Мира. Если мне суждено погибнуть, то это произойдет все-таки в борьбе за исполнение завета восстановить индейское царство от моря до моря!

– Мечта, но мечта благородная. Кто же отправится с вами в это путешествие?

– Кто отправится? Молас доведет меня до храма, где живет старик. А дальше я пойду один. Кто же последует за человеком, которого даже любящие его считают безумцем?! Если я буду рассказывать о своих планах, то люди поднимут меня на смех, как дети смеются над лишенным разума. Я пойду один, вероятно, навстречу смерти!

– Что касается смерти, то рано или поздно все мы должны умереть, а время и способ смерти в руках Провидения. Но вы будете не один, возьмите меня!

– Вас, сеньор? Но ведь это безумие!

– Игнасио, я буду совершенно откровенен с вами. Вашим мечтам о Золотом Городе, вашим надеждам на старика, вашим планам основать великое царство, – всему этому я не предаю никакого значения. Индейцев надо раньше перевоспитать, заставить их забыть то угнетение, в котором они находились эти века... Но это вас касается, я здесь не при чем. Вы меня слушаете?

– Да, сеньор!

– Теперь же о том, что касается меня. Я по влечению – скиталец. Меня манит мысль о новых местах, о приключениях. Возможно, что мы сложим наши головы в дремучих лесах Гватемалы, но что же из этого? Я пока еще ничего не достиг и

ничем не рискую. Словом, я готов двинуться в путь в Табаско, как только вы сможете.

– Клянетесь Сердцем, сеньор?

– Чем хотите! Я предпочитаю дать вам свою руку!

– Я не могу желать лучшего товарища. Обещаю, что если мы найдем этот город, то и вам будет большая выгода. Я сам неудачник, и ваше участие поможет мне. Даю клятву быть настоящим, искренним товарищем. А какие нас ждут препятствия, увидим!

VI. Начало поисков

Приблизительно через месяц после того, как между сеньором Стриклендом и мною было заключено такое соглашение, мы оба и Молас были уже в Веракруссе в поисках судна, которое доставило бы нас в Фронтеру, откуда по реке Грихальве мы могли на лодках добраться близко к тому месту, где жил Зибальбай. В настоящие дни многое там изменилось, но тогда белых в этой местности было немного, и они по большей части жили вдали от городов, занимаясь разбоями, как это испытал на себе Молас.

В Веракруссе мы приобрели все необходимое для длительного путешествия по дикой стране, в том числе три ружья и револьверы. После этого у нас осталось около полутора тысяч долларов, которые мы разделили на равные части и зашили в свои пояса. На многочисленные вопросы любопытных в Веракруссе мы отвечали, что сеньор Стрикленд один из тех англичан-путешественников, которые интересуются историческими памятниками и развалинами, а я, Игнасио, его проводник, Молас же – наш слуга.

Мы условились отплыть на одном прекрасном американском пароходе, но он почему-то задержался на неделю, и нам для выигрыша времени пришлось сесть на гораздо худшее мексиканское судно, как теперь помню, названное «Санта-Мария», превращенное своими хозяевами в пароход из старого, расшатанного парусника. Помню, как я спрашивал у капитана:

– Ваш пароход заходит в Фронтеру?

– Конечно, заходит! – был ответ.

Старый мошенник не сказал только, что «Санта-Мария» идет кружным рейсом и заходит в Фронтеру только на обратном пути. Но все это выяснилось лишь в пути, во время плавания. Среди десятка-двух пассажиров наше внимание привлек один, очень статный, красивый и молодой, но с каким-то неприятным взглядом черных блестящих глаз. Молас отвел нас в сторону и сказал:

– Это дон Хосе Морено, сын того дона Педро Морено, который ограбил меня и захватил данное мне Зибальбаем золото. Я слышал, как говорили в этом притоне, что молодого орленка нет в гнезде. Остерегайтесь его, сеньор: он, как и отец его, нехороший человек!

Спустя некоторое время раздался колокол, извещавший об обеде. Я направился в общую каюту, служившую и столовой. В дверях я столкнулся с капитаном, который остановил меня вопросом:

– Что вы хотите?

– Обедать, – отвечал я.

– Обед вам подадут на палубу, – заявил капитан. – Я не хочу вас обижать, сеньор, но ведь вы знаете мексиканцев и то, как они относятся к индейцам. Я сам испанец, и ничего не имею против вашего общества за столом, но если вы сядете с ними, то будут неприятности.

Я это хорошо знал и, не желая вызывать неприятностей, поклонился и отошел. Но этим дело не кончилось. Не видя меня за столом, Стрикленд осведомился про меня.

– Если вы спрашиваете про своего слугу, – ответил ему капитан, – то я запретил ему войти сюда, когда он хотел. Ему подадут обед наверх: мы не садимся с индейцами за общим стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Прощайте (исп.).

2

Кукумац (Кветцал) – так многие центрально-американские индейские племена называли бога Кецалькоатля.

Купить: <https://tellnovel.com/genri-haggard/serdce-mira>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)